

Б. А. ДЖОРБЕНАДЗЕ

Тбилисский государственный университет (Тбилиси)

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФОРМ
СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА В ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

1

В языке нередко бывают случаи расхождения (несовпадения) структурных (морфологических) и семантических моментов. Наглядно прослеживается это и в формах страдательного залога, так как в зависимости от контекста они могут выражать не только собственно пассивное, но и активное и т. п. медиальное значение.

Статус субъекта, как правило, зависит от лексического значения сказуемого (глагола):

а) имеются глаголы, с которыми субъект может быть только одушевленным лицом: imukreba «грозится», ezideba «таскает, носит», hp'irdeba «обещает» и т. п.

б) с определенными глаголами в роли субъекта может выступать только неодушевленный предмет: iyeba «открывается», imq'poba «прививается», ibareba «копается заступом» и т. д.

в) и, наконец, третью группу составляют глаголы, которые допускают сочетание как с одушевленным, так и неодушевленным субъектом: *ibereba* «дуется, раздувается», *ik'argeba* «теряется», *iq'eva* «шатается», *sxaddeba* «объявляется, появляется» и др.

При таком положении между субъектом (именем) и сказуемым (глаголом) наблюдается обоюдная семантическая детерминация: лексическое значение глагола определяет, какого класса имя может сочетаться с ним, а имя, в свою очередь, детерминирует грамматические значения страдательного по форме глагола: собственно страдательное (пассивное), активное или же медиальное.

II

В тех случаях, когда формы страдательного залога выражают активную семантику, в роли субъекта в подавляющем большинстве случаев выступает одушевленное лицо. Выражение активного значения формами страдательного залога — явление, видимо, сравнительно

#47

позднего происхождения, но, тем не менее, вызывающее интерес с точки зрения возможности семантических сдвигов в языке.

Вышеназванные страдательные формы создают различные семантические подгруппы:

а) выражается возвратное действие: *igineba* «ругается», *izmoreba* «потягивается», *ik'bineba* «кусается», *imukreba* «грозится», *irjeba* «трудится», *ipiceba* «клянётся, бастует», *ixves'eba* «просится»... В эту же группу следует включить и те глаголы, в которых возвратность сочетается с направленностью действия на грамматический косвенный объект: *irc'muneba* «утверждает» (ср.: *rc'mundeba* «убеждется»), *iuc'q'eba*, *it'q'obineba* «сообщает», *izleba* «дает» и т. п.

б) выражается активное, соотносимое с косвенным объектом, действие:

Косвенный объект является адресатом действия: *elap'araq'eba* «говорит с ним», *exves'eba* «просит у него, упрашивает», *ek'itxeba* «спрашивает у него», *emukreba* «угрожает ему», *enazeba* «нежится перед ним», *erpanč'eba* «кокетничает с ним»...

Выражается взаимосоотносимое действие» edaveba «спорит с ним», ebut'eba «ссорится с ним», ebrzoleba «борется с ним», ež[^]ibreba «соревнуется с ним», etamašeba «играет с ним», uamxanagdeba «становится его товарищем»...

Косвенный объект выступает в роли предмета действия: exveva «обнимает», es'eva «тянет, тащит», ezideba «таскает, носит», erek'eba «погоняет», eq'rdnoba «опирается», hp'irdeba «обещает»...

Активная семантика вышеперечисленных глаголов наглядно проявляется в случаях семантического перифразирования:

ik'bineba «кусется» = k'bens «кусает»

epiceba «клянется» = pics azlevs «дает клятву»

it'q'ueba «лжет» = t'q'uils ambobs «говорит ложь»

edaveba «спорит» = davas umartavs «затекает спор»

hp'irdeba «обещает» = p'irobas azlevs «даёт обещание»...

Ср. также: ezideba = zidavs «таскает», ešveleba = hšvelis «помогает» и т. д.

Собственно пассивное значение выражается преимущественно в тех случаях, когда в роли субъекта выступает неодушевленный предмет: iyeba «открывается», imq'poba «прививается», isxvleba «подрезывается (лоза)», ibareba «копается заступом», itoxneba «мотыжится», diddeba «увеличивается», advildeba «облегчается»...

Основную часть страдательных глаголов в грузинском языке составляют те формы, с которыми сочетается субъект, выраженный как одушевленным, так и неодушевленным лицом. С точки зрения активности или пассивности такие формы являются лабильными. Семантическая лабильность наглядно прослеживается при сопоставлении конструкции с одушевленным и неодушевленным субъектами.

#48

Одушевленный субъект:

čit'ebi ikekebodnen, **ibert'q'ebodnen.**

«птички ковырялись, **вытряхи-**
вались».

ketevani ic'q'evleboda da

ilanžyeboda.

«Кетеван проклинала и **ругалась**».
važk'acia p'irdap'iri, **imaleba** mxolod
glaxa.

«храбрый идет на прямой,
прячется только трус».

memk'vidre **irq'eoda** or banak's šoris.

«наследник **колебался** (букв.:
шатался) между двумя лагерями».

meomari mt'ris razmši **ič'reba**.

«боец **врезается** в отряд врага».

Неодушевленный субъект:

rtvelšive **ibert'q'eba** k'ak'ali.

«во время сбора винограда
стряхиваются и орехи».

tkvenistanebisgan **ilanzyeba** ožaxi.

«от вам подобных **позорится**
семья».

ak rayac saidumloebe **imaleboda**.

«здесь **скрывалась** (букв. пряталась) какая-то тайна».

irq'eoda mta da bari.

«тряслись (букв.: **шатались**) горы и
равнины».

sp'ilenzis puli uprosi mepis saxelitya
ič'reboda.

«медная монета чеканилась (букв.:
резалась) только от имени старшего
царя».

Некоторые глаголы используются в переносном значении, в частности в тех случаях, когда неодушевленному предмету приписывается действие, характерное для одушевленного предмета: gazetebi ert ambavs ic'erebian «газеты **пишут** (т. е. в газетах пишут) об одной вещи».

Вместе с тем, одушевленное имя может сочетаться с глаголом, с которым обычно употребляется неодушевленное имя:

igrixeba { c'neli = «гнется прут»
bič'i = «кривляется (букв.: гнется) мальчик»

Хрестоматийное определение залога предполагает непосредственное или же подразумеваемое наличие в страдательных конструкциях агенса в форме простого дополнения.

Правда, в грузинском языке конструкции типа: *c'igni ic'ereba mc'erlis mier* «книга пишется писателем» более характерны для книжного языка и почти отсутствуют в живой речи, но даже в таком ограниченном их использовании проявляется строгая закономерность, а именно: использование простого дополнения в роли агенса, как правило, допустимо в страдательных конструкциях с неодушевленным субъектом:

<i>ibareba mic'a</i> «копается земля»	}	<i>viyacis mier</i> «кем-то»
<i>šendeba saxli</i> «строится дом»		
<i>imt'vrevi mina</i> «ломается стекло»		

Исключения составляют глаголы типа *inišneba* «назначается», *ikeba* «хвалится» и т. п., представляющие весьма незначительную часть страдательных форм в грузинском языке.

#49

Более характерно для страдательных конструкций в грузинском языке использование простого дополнения в значении орудия действия: *mina imt'vrevi šakučit* «стекло ломается молотком». Введение в конструкцию орудия действия не влияет на активную или же пассивную семантику глагола: в этом случае только уточняется (конкретизируется) смысл происходящего.

III

Семантические изменения в ряде случаев вызывают изменения морфологического или же синтаксического порядка.

В первую очередь здесь подразумевается изменение валентности: пассивный *ic'ereba* «пишется» (*ic'ereba c'erili* «пишется письмо») — одновалентный глагол, но та же

форма при активном значении (т. е. при наличии одушевленного субъекта) приобретает статус двухвалентного глагола: *ic'ereba is mas* «пишет (букв.: пишется) он то»: *manašemi ic'ereboda, am čekmebs vaglahad nu gaaruč'ebinebt čems k'ak'oso* «мой отец писал, не давайте моему Како зря испортить эти сапоги» (А. Церетели), *gazetebi ert ambavs ic'erebian* «газеты пишут об одной вещи (букв.: одну вещь)» (И. Чавчавадзе).

Двухвалентность страдательных форм с префиксом *-i* (которые в исходном статусе, как правило, являются одновалентными) — следствие семантического переосмысления, факт расхождения структурных и семантических моментов в грузинском языке. Следует отметить, что имеется определенная группа глаголов названной структуры, которые всегда функционируют как двухвалентные, ибо они во всех случаях выражают семантику активности:

<i>is</i> (им.) <i>mas</i> (дат.) «он то»	}	<i>ižleva</i> «дает»
		<i>ixvec'eba</i> «просит»
		<i>irc'muneba</i> «уверяет»
		<i>it'q'obineba</i> «сообщает»
		<i>ik'vrevineba</i> «толкает»...

Это явление наглядно показывает, какое влияние может иметь семантический сдвиг на синтаксическую структуру языка. Лабильная в сущности двухвалентность приобретает при некоторых глаголах статус стабильного структурного показателя.

IV

Со страдательными формами в грузинском языке субъект всегда стоит в именительном падеже, но активная семантика может влиять и на форму субъекта, который в некоторых случаях выступает в эргативном падеже: #50

а) Настоящее (I серия спряжения):

}	<i>ic'ereba</i> «пишет»

is «он» (и. п.)

iq'ureba «смотрит»

b) Аорист (II серия):

man «он» (эрг. п.)	}	moic'era «написал»
		iq'ura посмотрел»

Например: melkisedek'i c'erils ic'ereba «Мелкиседек пишет (шлет) письмо → melkisedek'ma c'erili moic'era «Мелкиседек написал (прислал) письмо».

Предполагается, что в таких случаях при спряжении происходит замена форм страдательного залога формами действительного залога:

Настоящее: is moic'ers (действ. з.) — is moic'ereba (страд. з.)

Аорист: man moic'era (действ. з.).

Иными словами: moic'era man «написал он» (эрг. п) — по падежу субъекта действительный залог, но семантически, как парадигма прошедшего совершенного, соотносится с формами настоящего времени (I серии) как действительного, так и страдательного залога (ср.: moic'ers и moic'ereba).

В этом отношении привлекают внимание те страдательные формы, которые, выражая семантику активности, в парадигме спряжения параллельно используют модели как действительного, так и страдательного залога и тем самым во II серии имеют как номинативную, так и эргативную конструкции:

Настоящее:	izmoreba	«потягивается»
Будущее:	gaizmoreba gaizmorebs	«потянется»
Аорист:	gaizmora igi	«потянулся он» (им. п.)
	gaizmora man	«потянулся он» (эрг. п.) ¹

Такого рода колебания еще раз подтверждают, что семантические сдвиги вышеназванного порядка в формах страдательного залога являются вторичными, сопутствующими более поздним образованиям в грузинском языке. Тем не менее, такая возможность взаимной замены в парадигме спряжения форм страдательного и действительного залогов вызывает интерес с точки зрения принципов соотношения формы и значения в языке.

¹М. С. Сухишвили, *anuk'am ilanɣya da igina* или *anuk'a ilanɣya da igina?* — Вопросы культуры грузинской речи, IV, Тбилиси, 1981, с. 196 (на груз. яз.).

V

При определении семантических разновидностей страдательных форм следует иметь в виду принципиальное отличие в смысле семантических возможностей форм I и II лица, с одной стороны, и III лица, с другой.

I и II лицо всегда является одушевленным, класса *vin* «кто», т. е. человека. Поэтому здесь положение иное, чем в формах III лица.

Во-первых, в I и II лице, как правило, не встречаются глаголы, которые сочетаются только с неодушевленным субъектом, т. е. в грузинском языке не предполагается: *me* «я» — *vibarebi*, *vimq'nobi*, *viyebi*... или же *šen* «ты» — *ibarebi*, *imq'nobi*, *iyebi*... (от глаголов: *ibareba* «копается заступом», *imq'noba* «прививается», *iyeba* «открывается»...).

Во-вторых, глаголы, для которых в III лице характерна лабильность в смысле выражения активного и пассивного значений, в I и II лице всегда выражают активную семантику, т. е. *me* «я» — *vimalebi* «прячусь», *vic'erebi* «пишу»,... или же: *šen* «ты» —

imalebi «прячешься», ic'erebi «пишешь»..., как правило, выражают действие, как проявление воли (желания) грамматического субъекта.

В-третьих, в случаях, когда семантика активности выражается только при использовании глагола в переносном значении, в I и II лице глаголы выражают только это (переносное) значение: me «я» — vigr̄ixebi «кривляюсь» (букв.: гнусь), vič'rebi «врываюсь» (букв.: режусь), virq'evi «колеблюсь» (букв.: шатаюсь)... šen «ты» — igrixebi «кривляешься», ic'rebi «врываешься», irq'evi «колеблешься»...

VI

Вышеизложенное является частным случаем сложных взаимоотношений структуры и семантики в языке, восходящих к более общей проблеме взаимоотношений формы и значения.

(Поступило 18. X. 1983)

ბ. ჯორბენაძე (თბილისი)

ვნებთი გვარის ფორმათა სემანტიკური

დახასიათებისათვის ქართულში

რეზიუმე

1. ქართულში ვნებთი გვარის ფორმებმა შესაძლოა გამოხატონ როგორც საკუთრივ პასიურობის, ასევე აქტიურობისა და ე. წ. მედიალურობის სემანტიკა.

სუბიექტის სტატუსი, როგორც წესი, განისაზღვრება ზმნის ლექსიკური მნიშვნელობით: ა) ზოგიერთ ზმნასთან სუბიექტი შესაძლოა იყოს მხოლოდ

სულიერი პირი: ი-მუქრ-ებ-ა, ე-ზიდ-ებ-ა, ჰ-პირ-დ-ება... ბ) ერთი ტიპის ზმნებს შეეხამება მხოლოდ უსულო სუბიექტი: ი-ღებ-ა, ი-მყნ-ობ-ა, ი-ბარ-ებ-ა, ბერ-დ-ებ-ა... გ) ცალკე ჯგუფს ქმნიან ვნებითი გვარის ზმნები, რომლებიც შეეხამებიან როგორც სულიერ, ასევე უსულო სუბიექტს: იბერ-ება, ი-კარგ-ებ-ა, ი-რყევ-ა, ცხად-დ-ებ-ა... მაშინ, როცა ვნებითი გვარის ფორმებით გამოიხატება აქტიურობის მნიშვნელობა, სუბიექტად, როგორც წესი, სულიერი პირია წარმოდგენილი. უსულო სუბიექტი უპირატესად პასიურობის მნიშვნელობას ვარაუდობს. იმ შემთხვევაში კი, როცა ზმნას შეეხამება როგორც სულიერი, ასევე უსულო სუბიექტი, დამოწმებულია აქტიურობა-პასიურობის თვალსაზრისით ლაბილური ფორმები: „ი-წერ-ებ-ა წერილი“ (პასიური) და „მელქისედეკ კათალიკოსი მცხეთიდან „ი-წერ-ებ-ა“ (აქტიური), „ქეთევანი ი-ლანძღ-ებ-ა“ და „ოჯახი ი-ლანძღ-ებ-ა“, „მემკვიდრე ი-რყევ-ა“ და „მიწა ი-რყევ-ა“...

2. სემანტიკურ ცვლილებას შესაძლოა თან ახლდეს მორფოლოგიური ან სინტაქსური ხასიათის ცვლა.

პირველ ყოვლისა აქ იგულისხმება ვალენტობის ცვლა: პასიური ი-წერ-ებ-ა ერთვალენტოვანია („იწერება წერილი“), მაგრამ იგივე ფორმა, გამოყენებული აქტიურობის მნიშვნელობისათვის, უკვე ორვალენტოვანი ზმნის სტატუსს იძენს (გაზეტები ერთ იმისთანა ამბავს იწერებიან, რომელსაც არ შეიძლება კაცმა გვერდი აუაროს“).

ეს მოვლენა გარკვევით მიანიშნებს, თუ რა ხასიათის ცვლილებები შეიძლება მოხდეს სინტაქსურ სტრუქტურაში სემანტიკურ გადახრებთან დაკავშირებით.

რაც შეეხება მორფოლოგიური რიგის ცვლილებებს, აქ არსებითი მნიშვნელობისაა ის ფაქტი, რომ აქტიურობის მნიშვნელობის გამომხატველი ვნებითი გვარის ზმნების ერთ ნაწილს შესაძლებლობა აქვს უღვლილებისას შეინაცვლოს მოქმედებითი გვარის ყალიბის მქონე ფორმები: მო-ი-წერ-ებ-ა ის მას → მოიწერა მან ის (და არა: მო-ი-წერ-ა იგი), ი-ზმორ-ებ-ა → გა-ი-ზმორ-ებ-ა || გა-ი-ზმორ-ებ-ს → გა-ი-ზმორ-ა იგი || გა-ი-ზმორ-ა მან (მ. სუხიშვილი).

3. ვნებითი გვარის ფორმათა სემანტიკური დახასიათებისას სათანადოდ გასათვალისწინებელია I და II პირის ფორმათა ჩვენება. საქმე ისაა, რომ I და II პირი

ყოველთვის სულიერია, ამიტომაც: ა) ამ პირებთან არ გამოიყენება ვნებითის ის ფორმები, რომლებსაც მხოლოდ უსულო სუბიექტი შეეხამება. დაუშვებელია: მე ვ-ი-ბარ-ებ-ი, ვ-ი-თოხნ-ებ-ი, ვ-ი-მყნ-ობ-ი... შენ ი-ბარ-ებ-ი, ი-თოხნ-ებ-ი, ი-მყნ-ობ-ი... ბ) ზმნები, რომელთათვისაც III პირში აქტიურობა-პასიურობის თვალსაზრისით ლაბილურობაა დამახასიათებელი, I და II პირში, როგორც წესი, აქტიურობის სემანტიკას გამოხატავენ: მე ვ-ი-მალ-ებ-ი, ვ-ი-წერ-ებ-ი... შენ ი-მალ-ებ-ი, ი-წერ-ებ-ი... გ) იმ შემთხვევაში, როცა აქტიურობის სემანტიკა მხოლოდ გადატანითი მნიშვნელობის დროს გამოიხატება, I და II პირის ფორმები მხოლოდ გადატანით მნიშვნელობა გამოხატავენ: მე ვ-ი-გრიხ-ებ-ი, ვ-ი-რყევ-ი, შე-ვიჭრ-ებ-ი... შენ ი-გრიხ-ებ-ი, ი-რყევ-ი, შე-ი-ჭრ-ებ-ი...

4. ყოველივე ზემოხსენებული ერთ-ერთი კერძო შემთხვევა სტრუქტურულ და სემანტიკურ მოვლენათა რთული და — ზოგჯერ — წინააღმდეგობრივი ურთიერთობისა, რომელიც დაკავშირებულია ფორმისა და შინაარსის ურთიერთობის უფრო ზოგადი ხასიათის პრობლემასთან.

B. JORBENADZE

ON THE SEMANTIC PECULIARITIES OF THE PASSIVE

VOICE FORMS IN GEORGIAN

S U M M E R Y

1. Passive voice forms in Georgian can express passive semantics proper, as well as active and the so-called medial semantics.

The status of the subject is, as a rule, determined by the lexical meaning of the verb: (a) some verbs can take only an animate subject, e. g.: i-mukr-eb-a “he is threatening”, e-zid-eb-a “he is carrying”, h-p’ir-d-eb-a “he is promising (him), etc.; (b) one type of verbs can

be associated only with an inanimate subject, e. g.: i-yeb-a “it opens” (intr.), i-mq'n-ob-a “it is grafted”, i-bar-eb-a “it is dug (with a spade)”, etc.; and (c) verbs that can be associated both with an animate and inanimate subject form a separate group, e. g. i-ber-eb-a “it is inflated” or “he is puffed up”, i-k'arg-eb-a “it / he is lost”, i-rq'ev-a “it / he shakes” (intr), cxad-d-eb-a “it is announced” or “he is turning up”, etc. When a passive voice form expresses active semantics, it normally has an animate subject. An inanimate subject is associated with passive semantics. However, when a verb can be associated with both an animate and inanimate subject, labile (from the point of view of activity/passivity) forms are identifiable, e. g. i-c'er-eba c'erili (passive) “a letter is being written” and melkisedek' k'atalik'os mcxetidan i-c'er-eb-a (active) “The Catholicos Melkisedek writes from mtskheta”; ketevani i-lanzy-eb-a “Ketevan is using abusive language” and o3^axi i-lanzy-eb-a “the family's reputation is at stake”; memk'vidre i-rq'ev-a “the heir's position is being undermined” and mic'a i-rq'ev-a “there is an earthquake”, “the earth is shaking”, etc.

2. Semantic change may be associated with morphological or syntactic change as well.

This primarily implies a change of valency. Thus, the passive i-c'er-eb-a is univalent (i-c'ereba c'erili “a letter is being written”), but the same form used to express active semantics becomes bivalent (gazetebi ert imistana ambavs ic'erebian, romelsac ar šeižleba k'acma gverdi auaros “the newspapers write about such a thing which cannot be passed over”).

This phenomenon clearly indicates what type of changes of syntactic structure can be associated with semantic deviations.

As for morphological changes, here the following fact is of major significance: a part of passive voice forms, when conjugated can adopt active voice forms, e. g.: mo-i-c'er-eb-a is mas “he will write (it)” — mo-i-c'er-a man is (not “igi mo-i-c'er-a”) “he (erg) wrote it” (no “the (nom.) wrote”); i-zmor-eb-a “he stretches himself” — ga-i-zmor-eb-a // ga-i-zmor-eb-s “he will stretch himself” — ga-i-zmor-a igi // ga-i-zmor-a man “he is stretch himself”, etc.

3. The evidence of the 1st and 2nd person forms should be duly considered in order to give a semantic characterization of passive voice forms. The fact is that the 1st and 2nd

persons are always animate, hence: (a) the passive voice forms that are associated only with an inanimate subject are not #60 used with them. The following are inadmissible: me v-i-bar-eb-i, v-i-toxn-eb-i, v-i-mq'n-ob-i "I am being dug (with a spade), hoed, grafted"; (b) verbs, for the 3rd person forms of which lability of activity/passivity is typical, in the 1st and 2nd series forms express, as a rule, an active semantics, e. g.: me v-i-mal-eb-i, v-i-c'er-eb-i "I am hiding, writing", šen i-mal-eb-i, i-c'er-eb-i "you are hiding, writing", etc.; (c) in the cases when active semantics is expressed only in figurative usage, the 1st and 2nd person forms express figurative meaning, e. g.: me v-i-grix-eb-i "I am feigning", v-i-rq'ev-i "my position is being shaken (undermined)", še-v-i-č'r-eb-i "I shall invade (intervene)", šen i-grix-eb-i "you are feigning", i-rq'ev-i "your position is being undermined (shaken)", še-i-č'r-eb-i "you will invade," etc.

4. The foregoing is a particular case of complex, and sometimes even contradictory, interrelationship of structural and semantic phenomena connected with a more general problem of the relation of form and content.
